

Дронов Антон Александрович

ИДЕИ Г. МАРСЕЛЯ В РОМАНЕ Т. Н. УАЙЛДЕРА "ЖЕНЩИНА С АНДРОСА"

Статья посвящена романному творчеству американского писателя XX века Т. Н. Уайлдера. Приводится сравнительно-сопоставительный анализ идей романа "Женщина с Андроса" с идеями французского экзистенциалиста Г. Марселя. Данный подход дает возможность по-новому взглянуть на проблематику романа и творческую эволюцию писателя. Не отрицая очевидного влияния философии С. Кьеркегора на прозу Т. Н. Уайлдера, автор статьи приходит к выводу, что в экзистенциальном отношении писатель сближается с учением французского мыслителя Г. Марселя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 19-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

слово (метафорá) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии] [1, с. 667-668].

Важно отметить, что наиболее продуктивной, личностно окрашенной и технически сложной оказывается четвертая стратегия – аналогия, которая в «Риторике». Аналогия строится на выискивании отношений между двумя рядами имён, обозначающих произвольные предметы, которые оказываются причудливо сопоставленными: «А “по аналогии” – здесь я имею в виду <тот случай>, когда второе так относится к первому, как четвертое к третьему, и поэтому <писатель> может сказать вместо второго четвертое или вместо четвертого второе» [Там же, с. 668]. Далее Аристотель объясняет определение на частных примерах. В частности, он показывает легитимность употребления выражений «щит Диониса» и «чаша Ареса»: общеизвестно, что чаша имеет отношение как раз к Дионису, а щит к Аресу, но так как чаша относится к Дионису так же, как щит к Аресу, оказывается возможным чашу именовать «щитом Диониса», а меч – «чашей Ареса». Собственно, Аристотель предлагает универсальную программу создания перифраз, которые и оказались излюбленным приёмом прециозниц: такая эстетическая программа позволяла оформить любую, даже бытовую реплику по поэтическим принципам, не разворачивая её в пространный текст. Данная дискурсивная модель была удобна и относительно проста в использовании, что и обеспечило ей популярность в светской салонной среде Парижа 1620-1650-х гг., где почти безраздельно властвовал «слабый пол».

Список литературы

1. **Аристотель.** Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645-680.
2. **Мольер Ж. Б.** Смешные жеманницы: комедия в одном действии // Мольер Ж. Б. Комедии. М.: Художественная литература, 1972. С. 27-52.
3. **Duchêne R.** Les précieuses, ou Comment l'esprit vint aux femmes. Paris: Fayard, 2001. 568 p.
4. **Fumaroli M.** Les enchantements de l'éloquence: «Les Fées» de Charles Perrault ou De la littérature // Le statut de la littérature: mélanges offerts à Paul Bénichou. Genève: Droz, 1982. P. 153-186.
5. **Sonnet M.** L'Education des filles au temps des Lumières. Paris: Cerf, 1987. 354 p.

PRÉCIOSITÉ PHENOMENON: WOMAN'S STYLE IN THE FRENCH LITERATURE OF THE XVII CENTURY

Golubkov Andrei Vasil'evich, Ph. D. in Philology
M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Russian State University for the Humanities, Moscow
andreygolubkov@mail.ru

The article is devoted to analyzing speech behaviour of French *précieuses* of the middle of the XVII century represented by the writers of that time. J.-B. Molière's play "Les Précieuses ridicules" (The Ridiculous Précieuses), C. Saumaise's works contain the set of expressions which were used in the grand salons and among the *précieuses* – Madame de Rambouillet and Mademoiselle de Scudéry. The analysis of these expressions allows the author to conclude that the peculiarities of education acquired by these women predetermined the tendency to make up periphrases structured according to metaphor principles developed by Aristotle in his "Poetics".

Key words and phrases: *précieuses*; Molière; Saumaise; metaphor; periphrasis.

УДК 82.02

Статья посвящена романному творчеству американского писателя XX века Т. Н. Уайлдера. Приводится сравнительно-сопоставительный анализ идей романа «Женщина с Андроса» с идеями французского экзистенциалиста Г. Марселя. Данный подход дает возможность по-новому взглянуть на проблематику романа и творческую эволюцию писателя. Не отрицая очевидного влияния философии С. Кьеркегора на прозу Т. Н. Уайлдера, автор статьи приходит к выводу, что в экзистенциальном отношении писатель сближается с учением французского мыслителя Г. Марселя.

Ключевые слова и фразы: Уайлдер; экзистенциализм; Марсель; американская литература; XX век; смерть; испытание; индивидуальность.

Дронов Антон Александрович
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
anton_dronov1991@mail.ru

ИДЕИ Г. МАРСЕЛЯ В РОМАНЕ Т. Н. УАЙЛДЕРА «ЖЕНЩИНА С АНДРОСА»

В литературном пространстве Америки первой половины XX века царит упадническое настроение. Л. Н. Татарникова в монографии «Художественный текст в парадигме католической и протестантской культуры» пишет:

«...новые учения Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, А. Бергсона, З. Фрейда и других расшатали веру в Абсолютную Истину» [5, с. 8]. Действительно, категория Вечности в послевоенном социальном пространстве теряет актуальность, человек начинает сомневаться: «Исключая бесконечное, мы ничего не сможем понять в мире, ибо конечное всегда объясняет только по частям, но никогда полностью» [1], – пишет датский мыслитель С. Кьеркегор.

Однако среди целой плеяды выдающихся американских романистов того времени выделяется Т. Н. Уайлдер – художник, чьи работы не похожи на работы современников. В 20–40 гг. в США преобладали романы с социально-психологической проблематикой (Дж. Стейнбек, Ф. С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй, У. Фолкнер и др.), тогда как Т. Н. Уайлдер – писатель тонкого интеллектуально-философского склада. Критики-современники не раз упрекали его в излишней отстраненности по отношению к острым проблемам американского индустриального общества. И на самом деле, во многих работах писатель обращается к прошлому, однако сила литературного таланта писателя состояла в умении реконструировать разные исторические эпохи в актуальной связи с современностью.

В литературоведении нашего времени Т. Н. Уайлдера ставят в один ряд с представителями европейского экзистенциализма. Чаще всего в данном контексте звучит имя С. Кьеркегора. О воздействии учения датского мыслителя на творчество Т. Н. Уайлдера много писала А. К. Никулина, делая при этом важное замечание о том, что осмысление экзистенциальных идей у писателя носило динамический характер. Каждый этап творческой биографии Т. Н. Уайлдера «обнаруживал в них то, что соответствует его собственному мировосприятию в данный момент» [3, с. 220].

Цель данной статьи – проанализировать роман «Женщина с Андроса» в контексте философии Г. Марселя, что позволяет, на наш взгляд, по-новому взглянуть на экзистенциальную проблематику творчества Т. Н. Уайлдера.

Лейтмотив художественного творчества американского писателя – поиск абсолютных ценностей перед укореняющимся в обществе безразличием к пространству Вечности. Центральной проблемой выступает проблема Истины и способа ее познания. «...An individual's apprehension of the sacred is dynamic rather than static, and the manifestations of the sacred are plural rather than monist» [9, p. 3]. / «...Индивидуальное постижение священного динамично, нежели статично, а проявления священного – множественно, нежели монистично» – так писал о динамическом постижении божественного в творчестве Т. Н. Уайлдера профессор Католического Университета Америки Кристофер Дж. Уитли (Christopher J. Wheatley).

В романе «Женщина с Андроса», послужившем поводом для яростной критики радикально настроенного марксиста М. Голда, реконструируется языческий период Древней Греции, но проблемы, поднимаемые в произведении, восходят к извечным человеческим вопросам. «Как жить? С чего начинать?» [6, с. 32] – вопрошает ночное звездное небо Памфилий.

В романе Т. Уайлдера показано, как уходит в прошлое языческий мир: «...земля, которую вскоре назовут Святой, вынашивала во тьме драгоценное свое бремя» [Там же, с. 4]. В XX веке также стремительно меняется историческая ситуация: эпохальные разрушительные войны и научно-технический прогресс расшатывают устои традиционного мировоззрения. Тем не менее вопросы бытия остаются неизменными. Через подобную поэтику вопросов американский прозаик деконструирует время и рассматривает человеческую жизнь с двух позиций: Абсолюта и экзистенции человека.

Представитель религиозного экзистенциализма Г. Марсель, пишет доктор философских наук Ф. Г. Овсиенко, выступал против снисходительного отношения к индивидуальной человеческой мысли, так как считал, что это «равнозначно отходу от подлинной реальности» [4]. Мыслитель выделял метод динамического философствования – «конкретная философия» – и подразумевал под этим философию человеческого существования, которая учитывает «конкретную ситуацию человека, рассматривает проблемы, связанные с жизнью человека» [Там же].

Т. Н. Уайлдер также относился к человеку с сочувствием и особым вниманием. Любое его произведение – это история внутреннего противоречия и духовного поиска отдельно взятых личностей. В послесловии к русскому изданию романа «Женщина с Андроса» приводится интервью Т. Н. Уайлдера, где он говорит следующее: «Главная же тема – это, наверно, тема всех моих книг, а именно: когда обстоятельства складываются так, что перенести их человеческая душа не может, что тогда?» [6, с. 188]. Там же, уже обращаясь к другому своему роману – «Мост короля Людовика Святого», писатель развивает эту мысль: «...на глубинах, где завязываются главные жизненные связи, сосредоточена некая интуитивная сила, что помогает справиться с такого рода кризисами» [Там же].

В понимании Г. Марселя, человек – это одинокий путник, заброшенный в определенную социальную и историческую ситуацию. Но поскольку данная ситуация изменчива по своей природе, то изменяется и сам субъект, то есть он динамичен. Поэтому, утверждал Г. Марсель, истинная философия есть та, которая не касается «завершенных» схем и установок, а позиционирует себя в качестве «вопрошающей мысли». «Точка отсчета истинной философии – я подразумеваю под ней ту философию, которая есть опыт, превращенный в мысль, – это как можно более ясное признание той парадоксальной ситуации, которая является не просто моей, но делает меня мною самим» [2, с. 22].

В романе Т. Н. Уайлдера главные герои Хризия и Памфилий избегают так называемых «завершенных» установок и из-за этого вступают в конфликт с окружающим обществом.

Ситуация гетеры – это положение некоего пилигрима-чужака как на своей родине, так и на острове Бриснос. Родной дом покинут, а новый не вписывается своими порядками в существующее общество. Именно положение чужака, предвещающего собой будущего Христа и закинутого в историческую ситуацию языческой Греции, определяет личность Хризии, делает ее самой собой. И выходит она на метафизический путь

познания Истины посредством внутренней жажды познания смысла. «И ничего не надо, лишь бы грела мысль, смутная мысль, что смысл жизни есть» [6, с. 42].

Ситуация Памфилия несколько иная, но их с Хризией объединяет чувство отчуждения. Он – сын одного из основателей острова Бринос. Положение обязывает юношу быть примером для подражания, соблюдать преемственность традиций. Но что беспокоит его? «Время протечет мимо, невидимое, как воздух, а у него нет ни замысла, ни правил, ни связанного плана – всего того, что могло бы подсказать, как спасти и других, и себя от наползающей серости, от чувства поражения, с которым смиряются слишком легко» [Там же, с. 31-32]. Он влюбляется в сестру Хризии, и после смерти гетеры перед ним встает жесточайшая дилемма: пренебречь уставами общества и взять в жены чужестранку или же обратить свой взор на дочь другого основателя общества, завести семью и состариться.

У Г. Марселя человек не только добровольно, но и сознательно проживает свою жизнь, вопрошая о ее смысле и о значении смерти. На поиски Истины его толкает «творческое беспокойство», однако «ее невозможно найти в каких-либо формулах, она тождественна самому реальному бытию» [4]. Беспокойство Хризии и Памфилия выражается в их стремлении к литературе и искусству. Через дискуссионные вечера, где осколки мифов вновь оживают в сознании гетеры и юношей, герои стараются понять жизнь их общества и приходят к выводу, что люди лишь проживают отпущенный им срок, но не живут. Их мысль не вопрошает, отсюда у главных героев появляется ощущение неизбежного поражения. «Моя свобода может самоутвердиться до конца, только сочетавшись с моей судьбой, не претендуя на то, чтобы ее обойти» [2, с. 26], – пишет Г. Марсель. Но в анализируемом романе люди острова пренебрегают собственной свободой и избирают статическое существование, подчинение традиции вопреки самим себе. Они даже не осознают, что в них может быть заложено, кроме принципов острова Бринос: семья, замкнутое пространство и дети. Главные герои, наоборот, испытывают напряжение понятий «свобода» и «судьба».

Судьба Памфилия выражается в стремлении через собственное спасение спасти и других людей от «наползающей серости» и «чувства поражения», как он сам размышляет в начале романа. Ситуация, в которой беременная сестра гетеры полностью зависит от Памфилия, как, впрочем, и он от нее, оказывается испытанием, из которого юноша может выйти либо победителем (соединив свою судьбу со своей свободой), либо проигравшим. Примечательно, что его духовный учитель – Хризия умирает в середине романа, тем самым создавая подобную ситуацию.

«...Смерть истолковывается как испытание» [Там же, с. 59], – говорит Г. Марсель. Понятие испытания имеет здесь существенное значение, ведь крайне важным моментом для него является возможность непризнания испытания в качестве испытания. «Что это за Бог, который мучает меня в моих же собственных интересах?» [Там же, с. 60] – задается вопросом Г. Марсель, рассуждая о смерти как финальном человеческом испытании. «Видно, нет никакого бога. Надо все делать самим. Мы должны сами влачить по жизни насколько хватит сил» [6, с. 71], – шепчет Хризия, рассуждая о своей смерти. Французский философ пишет, что, сколь бы ограниченной ни была сфера деятельности человека, но только от него зависит, будет ли он «утверждать, что мир абсолютно лишен смысла, проверять это утверждение, распространять» [2, с. 61]. Ничто не может заставить нас придать смысл нашим человеческим страданиям, но из глубины самих себя мы можем попытаться все-таки признать этот смысл или создать его.

Здесь вспомним последние слова гетеры, сказанные Памфилию перед смертью: «...я прошла через худшее, на что способен этот мир, и все же я его восславляю. Его и все живое. Все, что есть, – благо» [6, с. 95]. Хризия все же обретает смысл жизни, она славит не только благо, но и страдание, признавая тем самым его испытанием и открывая в нем смысл. Примечательно, что английский глагол «ассерт» переводится на русский язык как «принимать». У Г. Марселя встречается интересная интерпретация значения данного слова. «Принимать не означает быть пассивным, претерпевать... “Принимать” означает допускать к себе кого-то извне, вводить его в зону самости» [2, с. 73]. Фраза Хризии «accepted from the gods all things, the bright and the dark» / «и принимал от богов все – свет и тьму» [6, с. 95] в данном контексте означает «осознанное страдание», которое в сферу ее самости было введено сознательно.

Подводя итог вышесказанному, еще раз отмечаем, что роман «Женщина с Андроса» посвящен становлению духа, в процессе чего экзистенциализм является неким «инструментом» раскрытия действительности, продиктованным историко-социальной ситуацией XX века. Безусловно, Т. Н. Уайлдер ставил те же вопросы, что и видные мыслители-экзистенциалисты, однако писателя отличала непоколебимая внутренняя вера в Абсолют, что выражается в духовной направленности прозы. Ближе всего в экзистенциальном отношении писатель подошел, на наш взгляд, к учению французского экзистенциалиста Г. Марселя, с его пристальным вниманием к индивидуальности в ситуации смерти и страдания, с его ощущением тайны бытия и утверждением необходимости надежды в самых безнадежных ситуациях.

Список литературы

1. **Кьеркегор С.** Страх и трепет [Электронный ресурс]. М.: Республика, 1993. URL: http://imwerden.de/pdf/kierkegaard_strach_i_trepet.pdf (дата обращения: 05.03.2017).
2. **Марсель Г.** Опыт конкретной философии / пер. с фр. В. П. Большакова и В. П. Визгина. М.: Республика, 2004. 224 с.
3. **Никулина А. К.** Философские идеи Серена Кьеркегора в романном творчестве Торнтон Уайлдера // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 219-225.
4. **Овсиенко Ф. Г.** Религиозный и атеистический экзистенциализм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2011/05/religioznyj-i-ateisticheskij-ekzistencializm/> (дата обращения: 23.12.2016).

5. **Татарина Л. Н.** Художественный текст в парадигме католической и протестантской культуры (Т. С. Элиот, У. Фолкнер, Ф. Кафка, А. Камю, Д. Г. Лоуренс, Дж. Джойс, Г. Грин и др.): монография. Краснодар: ZARLIT, 2010. 214 с.
6. **Уайлдер Т. Н.** Женщина с Андроса: роман / пер. с англ. Н. А. Анастасьева. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 189 с.
7. **A Thornton Wilder Trio** / ed. by M. Cowley. N. Y.: Harper and Brothers, 1965. 309 p.
8. **Como J.** Thornton Wilder and the gods [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newcriterion.com/articles.cfm/Thornton-Wilder---the-gods-7047> (дата обращения: 13.12.2016).
9. **Wheatley Ch. J.** Thornton Wilder and Amos Wilder: Writing Religion in Twentieth-Century America. Baltimore: University of Notre Dame Press, 2011. 240 p.

G. MARCEL'S IDEAS IN T. WILDER'S NOVEL "THE WOMAN OF ANDROS"

Dronov Anton Aleksandrovich
Kuban State University, Krasnodar
anton_dronov1991@mail.ru

The article is devoted to the novel creativity of the American writer of the XX century T. Wilder. The comparative analysis of the ideas of the novel "The Woman of Andros" and the ideas of the French existentialist G. Marcel is carried out. This approach enables to take a fresh look at the problems of the novel and the writer's creative evolution. Without denying the obvious influence of S. Kierkegaard's philosophy on T. Wilder's prose, the author of the article comes to the conclusion that in the existential relation the writer comes close to the ideas developed by the French philosopher Marcel.

Key words and phrases: Wilder; existentialism; Marcel; the American literature; the XX century; death; test; individuality.

УДК 8.82-31

Статья посвящена исследованию системы художественной гипнологии в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Роман как итоговое произведение писателя аккумулировал в себе важные идейные аспекты творческого пути, функционирующие в тематических и мотивных структурах текста. В данной статье представлен анализ онейротопов и онейромотивов, композиционно расположенных в завязке романа. В романе возникает закономерность, сформировавшаяся еще в первой части книги: после пробуждения героя ото сна происходит смена либо пространства, либо событийного ряда. Сон, являясь архемотивом, вобрал в себя как традиционную семантику, так и индивидуально-авторскую, что говорит об особенностях идиостиля Пастернака.

Ключевые слова и фразы: художественная гипнология; мотив сна; онейросфера; сновидение; сопутствующая минимальная тема.

Закроева Галина Андреевна
Смоленский государственный университет
gellinin@outlook.com

СЕМАНТИКА СНОВИДЕНИЙ ЮРИЯ ЖИВАГО В РОМАНЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Роман Пастернака «Доктор Живаго» – один из самых изучаемых романов XX века. Тематами исследований становились все аспекты повествовательной структуры книги. В мотивной структуре текста романа одним из частотных является мотив сна. Сон как архемотив раскрывает психологическую составляющую образа персонажа, так как позволяет заглянуть в его подсознание. Мотив сна как один из составляющих сюжетную линию образа Юрия Живаго связан с традиционным сопоставлением дара сновидения и дара творчества. Так, частотное описание сонного состояния Юрия Андреевича становится одним из мотивов, характеризующих его творческую натуру.

В письме к О. М. Фрейденберг Пастернак писал о замысле романа и его идейном воплощении, раскрывающем тему бессмертия: «Это наверное (в сопоставлении с условностью не-прозы) будет параллель двух культур или систем, и душу одной будут составлять преемственность и форма, а другой – новшество и откровение. А твои слова о бессмертии – в самую точку! Это – тема или главное настроение моей нынешней прозы» [5, с. 219]. Сновидения и онейромотивы в «Докторе Живаго» в системе художественной гипнологии романа являются маркерами темы бессмертия. Воскрешение, которое реализуется посредством мотива пробуждения, наполняет тематику бессмертия христианскими идеями, получившими свое воплощение в поэтическом творчестве. Подтверждением идейных обобщений романа стал детальный анализ минимальных тем и мотивов онейрического пространства.

В основу методики исследования онейрического пространства в романе мы закладываем понятие мотива, которое исходит из единства действия и образа персонажа. О. М. Фрейденберг связывает мотив с персонажем, определяя значимость повествовательной единицы не только на сюжетном уровне: «Основной закон мифологического, а затем и фольклорного сюжетостроения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» [9, с. 223].